

УДК 821.152.1
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-82-89

«ОЧЕРТАНИЯ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ»: СИБИРЬ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ У. Б. ЙЕЙТСА И ШЕЙМАСА ХИНИ

Алла Владимировна Кононова

аспирант кафедры зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. alice2128506@yandex.ru

SPIN-код: 2134-9957

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7690-2607>

ResearcherID: H-3701-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кононова А. В. «Очертания вечной мерзлоты»: Сибирь в мифопоэтической системе У. Б. Йейтса и Шеймаса Хини // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 82–89. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-82-89

Please cite this article in English as:

Kononova A. V. "Ochertaniya vechnoy merzloty": Sibir' v mifopoeticheskoy sisteme U. B. Yeytsa i Sheymasa Khini ["A Contour Cold as Permafrost": Siberia in the Mythopoetic System of W. B. Yeats and Seamus Heaney]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 82–89. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-82-89 (In Russ.)

Статья посвящена изучению мифологизации пространства Сибири в художественном мире двух великих ирландских поэтов – У. Б. Йейтса и Шеймаса Хини. Феномен мифопоэтического осмысления Сибири представляет собой один из самых значимых и на сегодняшний день малоизученных аспектов в контексте диалога двух литературных традиций – ирландской и русской. Автор ставит цель проанализировать, как происходит трансформация реального географического пространства Сибири в художественное пространство поэтического сознания, как образ Сибири встраивается в мифопоэтическую систему двух ирландских поэтов и каким образом функционирует, становясь частью их личной мифологии. Предпринимается также попытка выяснить, какое значение эта часть России приобрела для поэтов, принадлежавших разным историческим и культурным эпохам и, соответственно, разным поэтическим поколениям.

В статье рассматриваются литературные источники, повлиявшие на формирование художественного образа Сибири в системе Йейтса и Хини. К ним могут быть отнесены стихотворение «Сибирь» Д. К. Мэнгана, «Жизнь с транссибирскими дикарями» Б. Д. Ховарда или, как в случае Хини, «Остров Сахалин» А. П. Чехова.

В представлении ирландцев Сибирь, как правило, это как земля ссыльных и страдальцев. Однако именно эта обреченная земля становится для Йейтса и, в особенности, для Хини частью личного поэтического пространства и, если продолжать идею Роналда Шухарда, элементом их собственной мифологии. И Йейтс, и Хини обращаются к пространству Сибири в своем стремлении определить роль поэта в современной ему реальности и в окружающем его мире.

Ключевые слова: диалог культур; ирландская поэзия; Сибирь; У. Б. Йейтс; Шеймас Хини.

Во вступительном слове к книге ирландского поэта Шеймаса Хини «Писательское место» («The Place of Writing», 1989) Роналд Шухард заметил: «Воображению одного поэта навязывает себя аура места; другой поэт, напротив, навязывает общему месту свое личное мнение. Место

может стать убежищем или раем; оно гонит поэта в духовное или физическое изгнание, оно питает и отстраняет поэзию, освобождает воображение и затемняет сознание» (“The aura of place imposes itself on one poet’s imagination; another poet imposes his singular vision on a plural place;

places become havens or heavens; they drive the poet into spiritual or physical exile; they provide poetry with its nourishment and its distraction; they liberate imagination and darken consciousness" [Heaney 1989: 4]. Благодаря невероятному интересу к России и русской культуре среди ирландских поэтов эта страна стала для многих из них местом мысленного изгнания или реального паломничества, источником поэтического вдохновения и необходимым пристанищем, уйдя в которое можно отстраниться от того места, где в действительности живет поэт.

Как правило, контуры воображаемой России отражают контуры реальной географической территории. Соответственно, огромная часть этой страны, которая перестает принадлежать действительности и получает новое воплощение в сознании поэта, становясь частью его ментального пространства («country of the mind», по определению Хини [Heaney 1980: 131–132]), занимает Сибирь, азиатская Россия, земля изгнания и страданий, где, если вспомнить строки Д. К. Мэнгана из его стихотворения «Сибирь», «никто не может плакать, потому что слезы замерзают внутри» ("no tears are shed, for they freeze within the brain" [Mangan 2011]). Однако именно эта Богом забытая земля оказывается важной точкой притяжения для многих ирландских поэтов, включая У. Б. Йейтса и, в особенности, Шеймаса Хини, для коего Сибирь стала неотъемлемой частью личного поэтического пространства.

В качестве отправной точки нашего исследования мы предлагаем идею, высказанную Хини в книге «Писательское место» о взаимоотношениях поэта и его родного места. Размышляя о поэзии своих современников Пола Малдуна, Дерека Мэхона и Майкла Лонгли, оказавшихся так же, как и сам Хини, в центре конфликта в Северной Ирландии, Хини утверждает, что «ни один из этих поэтов не позволяет себе оказаться во власти мифологии его родного места, вместо этого он заставляет это место стать элементом его собственной, личной мифологии» ("None of these poets surrenders himself to the mythology of his place but instead each subdues the place to become an element in his own private mythology" [Heaney 1989: 6]). Мы берем на себя смелость проинтерпретировать и продолжить эту мысль, предположив, что поэт не подчиняется мифологии *любого* пространства, которое составляет часть его индивидуальной географии, напротив, он подчиняет это пространство законам собственной поэтической системы, встраивая его в свою личную мифологию. Мы попытаемся выяснить, каким образом происходит трансформация Сибири как реального места на географической карте в ху-

дожественный образ («Siberia of the mind»), который включается в индивидуальный пространственный миф и в результате становится частью мифопоэтической системы Йейтса и Хини.

Особенно интересно проследить, как Сибирь начинает приобретать метафорические обертоны в творчестве Йейтса, поскольку для Йейтса, в отличие от Хини, Россия, или русская культура, никогда не служила важным источником вдохновения. Йейтс безусловно был осведомлен об исторических, политических и литературных процессах, происходящих в стране. Он читал Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого и относил «Войну и мир» и «Анну Каренину» к шедеврам, подтверждающим его определение литературы как «основного голоса совести» («the principal voice of conscience» [Yeats 1975: 263]). Правда, Йейтс признавался в эссе «Луи Ламбер» («Louis Lambert», 1934), что романы Толстого и Достоевского принадлежали к числу тех книг, которые он «прочитал с удовольствием, но никогда больше не открывал» («read with delight but never opened them again» [Yeats 1994: 127]). Можно предположить, что Йейтсу больше был интересен русский театр: существует вероятность, что на постановку некоторых пьес Йейтса (например, «У Ястребиного источника») повлияли балеты С. Дягилева, поскольку так называемый «аутентичный исполнитель танца Хранительницы источника» Митио Ито, с которым Эдмунд Дюлак познакомил Йейтса, был учеником Вацлава Нижинского [Foster 2003: 38].

Сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что Россия едва ли была неотъемлемой частью непосредственного пространства Йейтса. Тем более ценными представляются те немногочисленные заметки и комментарии, которые Йейтс оставил об этой стране. Его комментарии дают возможность проследить метаморфозы образа Сибири в художественном мире Йейтса, ее превращение в поэтический символ с диахронической точки зрения и проанализировать, как этот символ изменялся и разрабатывался поэтами последующих поколений.

Йейтс упоминает Сибирь главным образом в двух контекстах: во-первых, в связи с одноименным стихотворением Мэнгана и, во-вторых, в связи с книгой Б. Д. Ховарда (B. D. Howard) «Жизнь с транссибирскими дикарями» («Life with Trans-Siberian Savages», 1893), на которую Йейтс в 1893 г. написал рецензию. Как отметили редакторы «Собрания сочинений» Йейтса, эта рецензия была, пожалуй, «самым странным заданием» ("Yeats's strangest reviewing assignment" [Yeats 2004: 222]), поскольку книга представляет собой исследование дикого племени Айну, жившего на территории острова Сахалин в относи-

тельной изолированности, которая, как писал сам Ховард, стала «абсолютной благодаря превращению целого острова в колонию для заключенных», куда ссылали самых опасных преступников (“their inaccessibility <...> has now been made absolute, by the conversion of the entire island into the ultimate penal colony” [Howard 1893: vi]).

Ховард был одним из первых зарубежных исследователей, которому удалось достаточно обстоятельно ознакомиться с системой тюрем и лагерей Сибири и Сахалина. Ему представилась возможность пообщаться не только с государственными чиновниками и тюремной охраной, но и с самими заключенными. В 1902 г. он опубликовал результаты своих поездок по самым отдаленным и труднодоступным местам Российской Империи в книге «Заключенные России: личное исследование жизни заключенных в Сибири и на Сахалине» (“Prisoners of Russia: a Personal Study of Convict Life in Sakhalin and Siberia”) (Howard 1902). Труд Ховарда можно сопоставить с книгой А. П. Чехова «Остров Сахалин», о которой речь пойдет ниже.

Нам еще предстоит выяснить, была ли эта книга Ховарда известна Йейтсу и знал ли Йейтс работы других исследователей Сибири и сибирских тюрем. Однако образ отважного путешественника, осмелившегося проникнуть в эти богом забытые места, появляется спустя многие годы в философском эссе Йейтса «Per Amica Silentia Lunae» (1917): «Я думаю, христианский святой или герой вместо того, чтобы испытывать пустое недовольство, решает на намеренное самопожертвование. Я помню, как читал однажды автобиографию человека, который совершил рискованное путешествие под прикрытием в Сибирь к российским заключенным. Он рассказывал, что для этого путешествия он еще ребенком приучал себя к опасным ночным прогулкам по улицам» (“I think the Christian saint and hero, instead of being merely dissatisfied make deliberate sacrifice. I remember reading once an autobiography of a man who had made a daring journey in disguise to Russian exiles in Siberia and his telling how, very timid as a child, he schooled himself by wandering at night through dangerous streets” [Yeats 1994: 10]). Далее Йейтс пишет о том, что не только «герою» или «святому» необходимо постоянно выходить за пределы собственных возможностей. Писатель или поэт (будь он Данте или Шекспир) также отправляется в рискованное путешествие, преодолевая себя, преодолевая внешние препятствия в бесконечных поисках совершенства.

Пока невозможно сказать с уверенностью, о каком путешествии говорит Йейтс. Утверждать, что в данном абзаце речь идет о Б. Д. Ховарде, не позволяет одна деталь: Ховарду не требовалось

скрывать свое присутствие, поскольку он имел с собой разрешение на пребывание в пределах сибирских лагерей и тюрем на Сахалине. Однако образ отважного путешественника, которому приходится тщательно маскироваться, чтобы не быть замеченным, является превосходной иллюстрацией йейтсовской мысли. Йейтс видит путешествие через Сибирь как «намеренное самопожертвование» (“deliberate sacrifice” [ibid.]), готовиться к которому нужно всю жизнь, ведь оно требует образцовой храбрости и преданности собственным убеждениям и собственному призванию. Отважиться на подобное путешествие может только «святой» или «герой». В метафорическом же понимании это путешествие, в которое отправляется поэт в своем стремлении достичь совершенства, означает выйти за пределы возможного, расширить границы собственной сущности и проверить, достаточно ли прочно его тело из плоти и крови для того, чтобы хранить в себе поэтический дар, и достойно ли оно этого.

Спустя несколько десятков лет другой ирландский поэт обращается к образу Сибири и воссоздает еще одно путешествие, которое состоялось в 1890 г., т. е. спустя год после поездки Ховарда на Сахалин. В своем стихотворении «Чехов на Сахалине» (“Chekhov on Sakhalin”) Шеймас Хини отправляется путем А. П. Чехова через всю Сибирь на далекий остров Сахалин. Сам Чехов объяснял это рискованное путешествие необходимостью отдать свой «долг медицине». Однако существовала гораздо более глубокая причина, на которую обращает внимание Хини не только в стихотворении, но и в своем эссе «Интересный случай Нерона, чеховского коньяка и колотушки» (“The Interesting Case of Nero, Chekhov’s Cognac and a Knocker”), опубликованном в сборнике его эссе и критических работ «Диктатура языка» (“The Government of the Tongue”, 1988).

В эссе Хини вспоминает эпизод 1972 г. в Белфасте, когда он и музыкант Дэвид Хэммонд решили собраться в студии, чтобы записать несколько музыкально-поэтических композиций. Однако в тот же день в городе произошло несколько взрывов, погибли люди, и в итоге ни о музыке, ни о стихах речи быть не могло, инструменты пришлось спрятать обратно в чехол и отправиться домой. Искусство оказалось бессильным перед жизнью, песня неуместной среди страдания: «Одна мысль о том, чтобы начать петь в тот момент, когда другие страдали, казалась оскорблением их страданий» (“The very notion of beginning to sing when others were beginning to suffer seemed like an offence against their suffering” [Heaney 1989: xi]). Хини не смог, подобно Нерону, продолжить петь среди пыла-

ющего родного города. В то же время, по его словам, он бы не отважился повторить путь У. Оуэна, участвовавшего в Первой мировой войне, или Чехова, отправившегося изучать жизнь заключенных на Сахалине, и броситься в самую гущу событий.

Хини родился в Северной Ирландии, в графстве Дерри (County Derry), учился в Белфасте, и вся его дальнейшая жизнь была тесно связана с североирландской действительностью (даже после того, как он уехал оттуда), поэтому североирландский конфликт и судьба Ольстера всегда волновали его особенно сильно и долгое время оставались одной из центральных тем в его творчестве. Тем не менее по своей природе Хини не был ни революционером, ни воином – он понимал, что вряд ли смог бы последовать примеру Оуэна или Чехова, о которых он говорит в эссе. Но в то же время ему было тяжело оставаться в стороне, а тем более чувствовать себя сбежавшим от ответственности. Бегство получилось действительно буквальным, так как в 1975 г. Хини с семьей уехал из Северной Ирландии (Соединенное Королевство) и обосновался в Республике Ирландии в графстве Уиклоу (County Wicklow). В стихотворении «Прочь от всего этого» ("Away from It All") из сборника «Остров покаяния» ("Station Island", 1984) Хини описывает свое положение цитатой из стихотворения Чеслава Милоша: «Я разрывался между созерцанием недвижной точки и необходимостью принимать активное участие в истории» ("I was stretched between contemplation / of a motionless point / and the command to participate / actively in history" [Heaney 1985: 16]).

Эта дилемма нашла отражение во многих стихах и эссе Хини. Примечательно, что для того чтобы разрешить ее, ирландский поэт часто вступает в диалог с восточноевропейскими и русскими писателями и поэтами. Соответственно, в стихотворении «Чехов на Сахалине», которое следует в сборнике сразу за стихотворением «Прочь от всего этого», Хини вступает в диалог с Чеховым и пространством чеховской Сибири: «Итак, он отдаст "долг медицине". Но сначала – коньяк у океана. Повернувшись ко всему спиной, он отправился на север. Мысли летели словно тройка Тюмени» ("So, he would pay his "debt to medicine". / But first he drank cognac by the ocean / With his back to all he travelled north to face. / His head was swimming free as the troikas / Of Tyumin..." [ibid.: 18]).

С первых строк стихотворения происходит мифологизация пространства Сибири, Хини словно встраивает чеховскую Сибирь в свой собственный миф, воссоздавая по памяти маршрут русского писателя: Тюмень («Tyumin» у Хини),

озеро Байкал и, конечно, остров Сахалин. Хини даже изменяет направление движения Чехова, помещая Сахалин строго на севере: «Так далеко на север, что даже Сибирь казалась югом» ("That far north, Siberia was south" [ibid.]). Как предполагает Ш. Швертер, автор монографии «Североирландская поэзия и поворот на Россию» («Northern Irish Poetry and the Russian Turn», 2013), Хини намеренно помещает Сахалин не на востоке, а на севере страны, тем самым создавая метафорическую связь между севером России и Северной Ирландией [Schwerter 2013: 17].

И в эссе, и в стихотворении Хини волнуют такие вопросы, как: может ли поэт писать о том, с чем он не готов встретиться лицом к лицу, с чем он не готов жить и за что не готов умереть? Будучи часто всего лишь наблюдателем, может ли он продолжать писать о красоте среди боли и страданий? Должен ли поэт заслужить «право на свои стихи» ("the right to his lines") [Heaney 1989: xv]? В поисках ответа ирландский поэт погружается в чеховское пространство, следуя за русским писателем в Сибирь, на озеро Байкал, на Дальний Восток, тем самым постепенно отстраняясь от окружающей его действительности, от реалий Ирландии. Хини понимает, что официальная причина поездки («отдать долг медицине») была всего лишь предлогом. На самом деле, как пишет Хини в эссе, Чехову было необходимо доказать в первую очередь самому себе, что его писательское «я» тоже имело право на существование. Более того, в отличие от врача (кем Чехов был по образованию), которому не нужно было никому ничего объяснять и который мог без каких-либо угрызений совести заниматься своим делом, писатель должен был не только доказать, но и заслужить право на свое ремесло [ibid.: xvi–xvii].

Примечательно, что, удаляясь все дальше от знакомых мест, проникая в самое сердце Сибири, Чехов Шеймаса Хини начинает ощущать все большую внутреннюю свободу, ему становится не так страшно заглянуть «внутрь себя», туда, где находится его «внутренний зал суда» ("inner courtroom" [O'Driscoll 2008: 234]). Происходит почти катартический момент, когда Чехов видит себя «словно он был чистой водой: озеро Байкал с палубы парохода» ("as if he were clear water: / Lake Baikal from the deckrail of the steamer") [Heaney 1985: 18]. Таким образом, фигура на палубе – это отчасти Чехов, отчасти сам Хини, пытающийся разобраться в самом себе и в окружающей его реальности. Однако стоит отметить, что в данном стихотворении укор поэта самому себе звучит менее остро, чем, к примеру, в стихотворении «Разоблачение» ("Exposure"), написанном несколькими годами раньше и вошедшем

в сборник стихов «Север» (“North”, 1975), в котором Хини воссоздает героический образ О. Э. Мандельштама, ссыльного поэта, читающего в лагере свои стихи другим заключенным.

В «Разоблачении» Хини словно противопоставляет себя Мандельштаму, он сравнивает себя с «лесным партизаном, избежавшим резни, принявшим защитный окрас от глины и коры» (“a wood-kerne // Escaped from the massacre, / Taking protective colouring / From bole and bark...” [Heaney 1975: 73]), в то время как Мандельштам – это герой, чей дар, «как камень в праще, пущенный в обреченность» (“his gift like a slingstone / Whirled for the desperate” [ibid.]). «Чехов на Сахалине», на наш взгляд, содержит меньше самообличительного пафоса, это стихотворение, напротив, – если не принятие, то познание самого себя, что также подтверждается мыслью Хини о сборнике «Остров покаяния», высказанной в разговоре с Д. О’Дрисколлом: «...скорее проверка совести, чем признание. Своего рода внутренний зал суда... чтобы освободиться от внутреннего давления» (“more an examination of conscience than a confession. A kind of inner courtroom... to release inner pressure” [O’Driscoll 2008: 234]).

Одним из центральных образов стихотворения является коньяк, подаренный Чехову его друзьями на железнодорожном вокзале в Москве. Эту на первый взгляд незначительную деталь Хини превращает в настоящий символ, который является лейтмотивом всего стихотворения. Согласно версии Хини, Чехов выпил коньяк в первую ночь на Сахалине. Момент, когда он пьет янтарный коньяк «посреди зловония тирании и музыки жестокости» («a waft of luxury in the stink of oppression and the music of cruelty» [Heaney 1989: xvii]), становится знаковым для поэта. Из прощального подарка друзей Чехова коньяк превращается в «дар его мастерства» (“the gift of his art” [ibid: xviii]), право на которое он наконец-то заслужил. Писатель ощущает невероятную радость, которая оказывается даже сильнее священной радости певца у иконостаса (“no cantor / In full throat by the iconostasis / Got holier joy than he got from that glass” [Heaney 1985: 18]).

Коньяк мерцает, точно бриллиант в салонной гостиной, и таким образом функционирует одновременно и как символ заслуженного мастерства, и как связующее звено между суровой сахалинской реальностью и привычным для Чехова миром. Однако мы видим, что даже привычный мир словно отталкивает писателя и служит ему постоянным упреком, поскольку этот бриллиант сияет на груди холодной красавицы, высокомерной и неприступной (“That shone and warmed like

diamonds warming / On some pert young cleavage in a salon, / Inviolable and affronting” [ibid.]).

Когда Чехов разбивает бокал о камни, осколки звенят точно «цепи заключенных», точно «груз его свободы выбирать правильный тон – не для трактата, не для диссертации» (“It rang on like the burden of his freedom / To try for the right tone – not tract, nor thesis” [ibid.: 19]). Хини придает образу некоторую амбивалентность. С одной стороны, Чехов преодолевает всю Сибирь, проводит несколько месяцев среди ужасов тюремного лагеря, для того чтобы «выжать из себя кровь крепостных»¹ и доказать свое право называться писателем. С другой стороны, по иронии судьбы, несмотря на все попытки обрести внутреннюю свободу, он по-прежнему ощущает груз своих обязательств. Более того, даже сама свобода кажется писателю грузом, и ему по-прежнему приходится «следовать за проводником-заключенным через Сахалин» (“He who thought to squeeze / His slave’s blood out and waken the free man / Shadowed a convict guide through Sakhalin” [ibid.]).

Если рассматривать стихотворение «Чехов на Сахалине» с точки зрения мифологизации пространства, можно заметить, что Сахалин и Сибирь, земля «вечной мерзлоты» (если использовать образ из другого стихотворения Хини²), становится реальным воплощением Ада или, в контексте сборника «Остров Покаяния», Чистилищем. Остров Покаяния, давший название сборнику, находится на озере Лох-Дерг (Lough Derg) в графстве Донегол (County Donegal) и известен также под названием «Чистилище Святого Патрика» (St Patrick’s Purgatory). Остров является местом ежегодного паломничества для тысяч людей, и в заглавном стихотворении сборника Хини вспоминает свой собственный паломнический опыт. Подобно Данте, он проходит через «Чистилище», встречая на своем пути тени Патрика Каванаха, Джеймса Джойса, Уильяма Карлтона, а также тени своих знакомых, убитых в ходе североирландских беспорядков. Поэт размышляет об истории, о националистах и юнионистах, о католиках и протестантах, о своей жизни и своем месте в североирландской действительности, о своем отношении к ней. Но для того, чтобы найти ответы на все вопросы, помимо паломничества в родные места поэту требуется также отстраниться от близкой реальности и совершить путешествие в противоположном направлении, отправившись вслед за Чеховым на Сахалин, где нужно пройти иные круги ада, послушно следуя за своим проводником.

Метафора «Сибирь – земной ад» вновь возвращает нас к абзацу из «Per Amica Silentia Lunae» Йейтса, о котором речь шла выше, а об-

раз вечной мерзлоты, заложенный в данную метафору, но присутствующий в стихотворении Хини лишь имплицитно, к «Сибири» Мэнгана – к стихотворению, которое Йейтс считал у Мэнгана одним из лучших [Yeats 2004: 43]. Однако интересно, что Йейтс интерпретирует мифологическую Сибирь Мэнгана в достаточно романтическом ключе, объясняя ее скорее как отражение личных чувств и переживаний поэта, в то время как современный ирландский поэт Филип Макдона (Philip McDonagh) определяет стихотворение Мэнгана как «Эзопов язык», использованный для того, чтобы описать тяжелую жизнь Ирландии под гнетом англичан [McDonagh]³.

Параллель «Ирландия – Сибирь» встречается и у других ирландских авторов. К примеру, ирландскоязычный прозаик Мартин О'Каин (Máirtín Ó Cadhain) провел четыре года в тюремном лагере Куррах, который он назвал «ирландской Сибирью» (“Sibéir na hÉireann”) [Titley]. Эта же параллель прослеживается и у Хини, но для Хини, как и для Йейтса в «Per Amica Silentia Lunae», на первый план выходит другой аспект. Йейтс интерпретирует путешествие через Сибирь как путешествие поэта к совершенству, к овладению поэтическим мастерством. Это путешествие, которое в реальной жизни под силу только герою либо святому. Для Хини это путешествие к внутренней свободе. Хини использует характерную для него технику остранения, создавая собственный миф, основанный на сахалинских рассказах Чехова. Следовательно, Чехов в стихотворении остается лишь отчасти реальным русским писателем, поскольку это также и сам Хини, пытающийся найти баланс между «Песней и Страданием» (“Song and Suffering”), т. е. «Искусством и Жизнью» (“Art and Life”) [Heaney 1989: xii]. Отсюда рождается основное противопоставление стихотворения – одновременное ощущение свободы и скованности. Кроме того, переживания Чехова очень близки Хини, и отсюда появляется еще одно противопоставление, которое не столь заметно непосредственно в стихотворении, но открыто выражено в эссе: Чехов (и сам Хини) с его твердым убеждением в необходимости заслужить право быть писателем и, напротив, Мандельштам, который всегда верил, что слово и поэзия не нуждаются в каких-либо оправданиях. Хини понадобилось много лет, чтобы самому начать жить мандельштамовским убеждением о самодостаточности и самоценности поэзии и искренне поверить в то, что поэзия способна звучать даже среди вечной мерзлоты скованной льдом Сибири.

Подводя итог, можно отметить, что образ Сибири, с одной стороны, становится элементом мифологии национального пространства, в кото-

рой Ирландия и Северная Ирландия сравниваются с Сибирью царского, а затем и советского времени. С другой стороны, Йейтс и Хини используют данный образ не только для описания и осмысления историко-политического контекста. В творчестве этих поэтов он встраивается в более сложный миф, который отчасти основывается на дантовском путешествии по кругам Ада и в котором путешествие через Сибирь (земной ад) рассматривается как путешествие поэта к совершенству, к овладению поэтическим мастерством, к внутренней свободе.

Примечания

¹ Дед Чехова был крепостным крестьянином, отец – владельцем бакалейной лавки (отсюда, к слову, ироничное замечание Хини о том, что Чехов родился «можно сказать, под прилавком» и, соответственно, хорошо знал стоимость коньяка [Heaney 1985: 18]).

² “A globe stops spinning. I set my palm / On a contour cold as permafrost” – строки из стихотворения «М.», посвященного О. Э. Мандельштаму и вошедшего в сборник «Ватерпас» («The Spirit Level»), 1996) [Heaney 1996: 57].

³ За данную цитату мы благодарим А. В. Машиняна, директора Ирландского культурного центра в Санкт-Петербурге.

Список литературы

- Макдона Ф. Личная переписка Ф. Макдоны и А. В. Машиняна (рукописный источник).
 Foster R. W. B. Yeats: A Life. II: The Arch-Poet 1915–1939. N. Y.: Oxford University Press, 2003. 797 p.
 Heaney S. North. L.: Faber, 1975. 73 p.
 Heaney S. Preoccupations, Selected Prose, 1968–1978. London and Boston: Faber and Faber, 1980. 224 p.
 Heaney S. Station Island. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1985. 123 p.
 Heaney S. The Government of the Tongue. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1989. 170 p.
 Heaney S. The Place of Writing. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1989. 72 p.
 Heaney S. The Spirit Level. L.: Faber, 1996. 70 p.
 Howard B. D. Life with Trans-Siberian Savages. L.; N. Y.: Longmans, Green, and Co, 1893. 259 p.
 Howard B. D. Prisoners of Russia: a Personal Study of Convict Life in Sakhalin and Siberia. N. Y.: D. Appleton and Company, 1902. 389 p.
 Mangan J. C. Siberia. Poems of Places: An Anthology: in 31 vols. / ed. by Henry Wadsworth Longfellow. Boston: James R. Osgood & Co., 1876–79; Bartleby.com, 2011. URL: <http://www.bartleby.com/270/10/96.html> (дата обращения: 25.02.2017).

McDonagh P. Personal Letter from Philip McDonagh to Andrey Mashinyan. Andrey Mashinyan's Private Archive.

O'Driscoll D. *Stepping Stones: Interviews with Seamus Heaney*. L.: Faber and Faber, 2008. 524 p.

Schwerter S. *Northern Irish Poetry and the Russian Turn: Intertextuality in the work of Seamus Heaney, Tom Paulin and Medbh McGuckian*. Palgrave Macmillan, 2013. 264 p.

Titely A. Máirtín Ó Cadhain: Rí an Fhocail. URL: <http://www.rte.ie/tv/rianfhocail/article.html> (дата обращения: 25.02.2017).

Yeats W. B. Early articles and Reviews: Uncollected Articles and Reviews Written between 1886 and 1900 // *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 9. N. Y.: Scribner, 2004. 642 p.

Yeats W. B. Later Essays // *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 5. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1994. 296 p.

Yeats W. B. *Uncollected prose*. L.: Macmillan, 1975. 543 p.

References

Makdona F. *Lichnaya perepiska F. Makdony i A. V. Mashinyana* [Personal correspondence between F. Makdona i A. V. Mashinyan] (a manuscript source). (In Russ.).

Foster R. *W. B. Yeats: A Life. II: The Arch-Poet 1915–1939*. New York, Oxford University Press, 2003. 797 p. (In Eng.)

Heaney S. *North*. London, Faber, 1975. 73 p. (In Eng.)

Heaney S. *Preoccupations, Selected Prose, 1968–1978*. London and Boston, Faber and Faber, 1980. 224 p. (In Eng.)

Heaney S. *Station Island*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1985. 123 p. (In Eng.)

Heaney S. *The Government of the Tongue*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1989. 170 p. (In Eng.)

Heaney S. *The Place of Writing*. Atlanta, Georgia, Scholars Press, 1989. 72 p. (In Eng.)

Heaney S. *The Spirit Level*. London, Faber, 1996. 70 p. (In Eng.)

Howard B. D. *Life with Trans-Siberian Savages*. London, New York, Longmans, Green, and Co, 1893. 259 p. (In Eng.)

Howard B. D. *Prisoners of Russia: a Personal Study of Convict Life in Sakhalin and Siberia*. New York, D. Appleton and Company, 1902. 389 p. (In Eng.)

Mangan J. C. *Siberia. Poems of Places: An Anthology in 31 Volumes*. Ed. by Henry Wadsworth Longfellow. Boston, James R. Osgood & Co., 1876–79, Bartleby.com, 2011. Available at: <http://www.bartleby.com/270/10/96.html> (accessed 25.02.2017). (In Eng.)

McDonagh P. *Personal Letter from Philip McDonagh to Andrey Mashinyan*. Andrey Mashinyan's Private Archive. (In Eng.)

O'Driscoll D. *Stepping Stones: Interviews with Seamus Heaney*. London, Faber and Faber, 2008. 524 p. (In Eng.)

Schwerter S. *Northern Irish Poetry and the Russian Turn: Intertextuality in the Work of Seamus Heaney, Tom Paulin and Medbh McGuckian*. Palgrave Macmillan, 2013. 264 p. (In Eng.)

Titely A. Máirtín Ó Cadhain: Rí an Fhocail. Available at: <http://www.rte.ie/tv/rianfhocail/article.html> (accessed 25.02.2017). (In Irish).

Yeats W. B. Early Articles and Reviews: Uncollected Articles and Reviews Written between 1886 and 1900. *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 9. New York, Scribner, 2004. 642 p. (In Eng.)

Yeats W. B. Later Essays. *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 5. New York, Charles Scribner's Sons, 1994. 296 p. (In Eng.)

Yeats W. B. *Uncollected Prose*. London, Macmillan, 1975. 543 p. (In Eng.)

“A CONTOUR COLD AS PERMAFROST”:

SIBERIA IN THE MYTHOPOETIC SYSTEM OF W. B. YEATS AND SEAMUS HEANEY

Alla V. Kononova

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature
Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation. alice2128506@yandex.ru

SPIN-code: 2134-9957

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7690-2607>

ResearcherID: H-3701-2017

The article focuses on the mythologised image of Siberia as an indispensable part of the personal poetic space of two great Irish poets – W. B. Yeats and Seamus Heaney. The phenomenon of Siberia as a myth and as a part of the Irish poets' private mythology is one of the most intriguing and significant aspects which

helps us get a deeper understanding of the dialogue between Irish and Russian literary traditions. However, this phenomenon has received very little attention so far. Thus, the article aims to analyse the transformation of Siberia as a real geographical place into "Siberia of the mind" and attempts to find out the meaning this part of Russia acquired in the poetic systems of the two different authors who lived in different times and belonged to different generations of Irish poets.

The article studies literary works that served as a source of knowledge about Siberia for Yeats and Heaney. Thus, Yeats's literary knowledge of Siberia comes mainly from J. C. Mangan's poem of the same name and the book by B. D. Howard *Life with Trans-Siberian Savages* which Yeats owned, where the author describes his journey to the Siberian exile camps. Seamus Heaney became more familiar with Siberia through Anton Chekhov's account of his journey to the Island of Sakhalin, which greatly impressed the poet.

From the Irish point of view, Siberia is often seen as a land of exile and misery. However, this desolate territory appears to be an important destination for W. B. Yeats and especially Seamus Heaney. The article argues that for both of these poets Siberia became a metaphor and, to use Ronald Schuchard's idea, an element of their own private mythology, to which the poets referred when defining or questioning the role of a poet and in their search for poetic truth.

Key words: dialogue of cultures; Irish poetry; Siberia; W. B. Yeats; Seamus Heaney.